

Нахимова Е.А.
Екатеринбург, Россия

УРБОНИМЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ:
КОНДОПОГА И ПИКАЛЕВО

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. После мощных социальных выступлений против мигрантов и олигархов в Кондопоге и Пикалево названия этих городов начали использоваться как имена нарицательные для обозначения актов социального протеста в различных городах России. Подобные вторичные значения характерны для отечественной политической коммуникации, их арсенал постоянно обновляется, но большинство из них быстро уходит из активного употребления. Уже через несколько лет такие образы не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

Ключевые слова: Политическая коммуникация, метафора в СМИ, урбонымы, Пикалево, Кондопога, имя собственное, имя нарицательное, историческая динамика политических метафор.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

Nakhimova E.A.
Ekaterinburg, Russia

URBONYMS
IN POLITICAL COMMUNICATION:
KONDOPOGA AND PIKALEVO

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. Soon after great social outbursts directed against migrants and oligarchs took place in Kondopoga and Pikalevo, the names of these cities came into use as common nouns in order to define acts of social protests in various Russian cities. Such transferred meanings are typical of Russian political communication; the number of such nouns is constantly under change and renewal but a vast majority of them is not used for a long time, presents just a passing fad and drops out of active everyday use soon enough. Just a few years after their boom of use in everyday speech such words are not connected with former images any more. They cease to produce the emotional response they used to have. More than that their meanings are no longer quite clear and therefore need some special explanation.

Key words: political communication, metaphor in mass-media, urbonyms (names of cities when used as common nouns), Pikalevo, Kondopoga, proper nouns, common nouns, historic dynamics of political metaphors.

About the author: Nakhimova, Elena Anatolyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Исследования по истории и теории политической метафоры свидетельствуют об удивительной стабильности метафорических образов во времени и пространстве, об их сопоставимости в разных культурах. Еще в середине прошлого века Майкл Осборн отмечал, что «в кросс-культурном аспекте архетипичные метафоры также подтверждают свое постоянство, оставаясь неизменными в разных культурах. Поэтому, когда Данте говорит о Боге как об ослепительном свете и об аде, полном мрачной тьмы, а Демосфен описывает беспокойные Афины, сравнивая их с поднявшимся над морем штормом, смысл их слов доходит до нас и становится ясным, преодолевая временные и культурные барьеры» [Осборн 2008: 184; Osborn 1967]. Современный американский исследователь Ричард Андерсон отмечает, что метафоры продвижения вперед и отступления, верха и низа встречаются в самых различных культурах и обычно имеют сходные смыслы [Андерсон 2007: 12]. Поэтому обычно крайне сложно делать предположения о том, где и когда появился тот или иной метафорический образ. Если даже мы встречаем его уже у Гомера, то вполне может быть, что подобная метафора существовала в фольклоре.

Полностью соглашаясь с приведенными высказываниями весьма авторитетных американских метафорологов Ричарда Андерсона и Майкла Осборна (подобные мысли высказыва-

лись и в отечественной лингвистике), необходимо отметить, что степень исторической устойчивости метафор в различных разрядах и группах лексики часто оказывается неодинаковой. Существуют серьезные основания для того, чтобы считать, что метафорические значения онимов часто оказываются «недолговечными»: они то стремительно получают широкую популярность, то не менее стремительно уходят из активного употребления.

Нередко обнаруживаются такие метафоры рассматриваемого типа, у которых достаточно легко определить по меньшей мере год (а иногда даже месяц) возникновения. Например, во многих случаях можно назвать дату события, которое стало концептом-источником для метафорического использования соответствующего имени собственного. Очень показательны в этом отношении некоторые российские политические метафоры, рождение которых относится к началу текущего столетия.

В рассматриваемых ниже случаях источником метафоры становятся коннотативные онимы (термин предложил Е.С. Отин) – названия российских городов *Кондопога* и *Пикалево*. Эти населенные пункты объединяет немало общих признаков: они находятся в соседних регионах (Карелия и Ленинградская область), имеют многовековую историю, однако статус города приобрели в советскую эпоху. Это небольшие по числу жителей (до 35 тысяч) «моногорода»,

основой экономики каждого из них является одно промышленное предприятие, которое было создано в годы индустриализации и от которого до настоящего времени очень зависит вся жизнь горожан. В Кондопоге она относительно благополучная (целлюлозно-бумажный комбинат успешно работает), катастрофа в пикалевской экономике связана с конфликтом между собственниками когда-то единого цементного завода.

Как известно, в каждом из этих городов относительно недавно произошли массовые беспорядки, в процессе которых местные жители выражали свое недовольство сложившейся социальной ситуацией и демонстрировали свое негативное отношение к «чужакам» (мигрантам и олигархам). Прекращению уличных столкновений в Пикалеве и Кондопоге способствовало активное вмешательство В.В. Путина, который потребовал от местных властей и владельцев предприятий соблюдать законность и в полной мере учитывать интересы местных жителей.

Для обозначения проявлений социальной активности кондопожцев и пикалевцев вскоре стали образно использовать соответствующие урбонимы. Впоследствии эти же названия стали образно употреблять для обозначения аналогичных событий в других населенных пунктах и даже для характеристики умонастроений, способных привести к таким событиям.

Показательно, что, осуждая незаконные действия кондопожцев и пикалевцев (столкновения с мигрантами, требование выселить из города «кавказцев», препятствование движению транспорта, неподчинение требованиям милиции и оскорбительные высказывания в адрес милиции, сотрудников прокуратуры, руководителей города и региона), многие российские политические лидеры и журналисты говорили о своем понимании истоков социального протеста. Во многих авторитетных российских СМИ высказывалось мнение о том, что в случившемся виноваты не только и не столько участники уличных столкновений. Журналисты писали о том, что мигрантам следовало бы больше уважать традиции народов, которые издавна проживают на северо-западе России, а владельцы предприятий должны думать не только о прибыли, но и о своей ответственности за судьбы людей, которые своим трудом создают эту прибыль.

Важно отметить, что руководители Кондопоги и Пикалева (а также руководители Карелии и Ленинградской области) в своих выступлениях говорили преимущественно о вине «чужаков» и в той или иной степени оправдывали поступки местных жителей. Создается впечатление, что участники выступлений пользовались поддержкой абсолютного большинства своих земляков, в том числе тех, которые не принимали участие в антизаконных действиях. На всех кондопожских и пикалевских форумах и чатах была представлена по существу одна точка зрения: «чужаки» нарушают наши обычаи, они привыкли все измерять деньгами, если

мы будем бездействовать, то нас и наших детей ждут полная деградация и обнищание. Некоторые авторы допускали расистские высказывания и призывали к «экспроприации экспроприаторов», по существу к новой гражданской войне. С другой стороны, на защиту «изгнанных» кавказцев выступили некоторые руководители северокавказских республик, мусульманские религиозные лидеры и даже участники вооруженных формирований, ведущих боевые действия в Чечне и Дагестане.

В качестве источника текстового материала в данном исследовании использованы данные «Национального корпуса русского языка» (<http://guscorpora.ru>), создатели которого дали в руки лингвистам богатейшие источники и программу, существенно облегчающую анализ языковых фактов и закономерностей. В качестве дополнительного источника в настоящем исследовании использовался массив текстов из Интернет-архивов общенациональных высокотиражных российских газет «Завтра», «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», а также иные материалы СМИ. Из Интернет заимствованы и материалы свободной энциклопедии «Википедия» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>]. На указанном сайте представлена важная информация о соответствующих городах и о происходивших в них событиях, которые в последние годы широко освещали отечественные и зарубежные СМИ. Важным источником для исследования стали региональные Интернет-источники, ориентированные на жителей Кондопоги и Пикалево, в том числе официальные сайты администраций указанных городов.

Как сказано в Интернет-энциклопедии «Википедия», **Кондопога** – это город (с 1938 года) на берегу Кондопожской губы Онежского озера в Карелии примерно в 50 километрах к северу от Петрозаводска. Проживает около 33 тысяч жителей, значительная часть которых работает Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате.

Указанная Интернет-энциклопедия сообщает также, что слово *Кондопога* восходит к карельскому сложному слову *Kondupohju* (финский вариант названия – *Kontupohja*), которое можно перевести как «медвежий угол», «медвежье место». Существуют и иные предположения об этимологии этого названия, в том числе «медвежья лапа», «медвежий залив» и др. Значение первого карельского корня «kond» – медведь; о значении второго карельского корня *pohju* существует несколько версий. В частности, предполагают, что название поселения, образовано от наименования водоема («медвежий залив»), на берегу которого находится это поселение. Такая модель образования топонима широко распространена в ономастике, в том числе севернорусской ономастике.

В подготовленном Ф.Л. Агеенко справочнике «Русское словесное ударение. Словарь имен собственных» [Агеенко 2001] рекомендовано ударение на предпоследнем слоге. По нашим

наблюдениям, именно с таким ударением слово *Кондопога* произносятся и дикторы ведущих российских телеканалов.

Следует, однако, отметить, что старожилы Карелии обычно произносят название *Кондопога* с ударением на первом слоге, что, несомненно, связано с тем, что для карельского языка характерно ударение на первом слоге, а карельское название этого города хорошо известно большинству его жителей.

Как отмечает А.В. Суперанская, для русского языка характерна тенденция к переносу ударения в именах собственных, заимствованных из финно-угорских языков, с первого слога на один из последних слогов [Суперанская 1969: 177].

Показателен следующий диалог журналиста Татьяны Витебской и президента Карелии Сергея Котандова.

– В справочнике для журналистов написано, что ударение в слове *Кондопога* падает на третий слог. Вы делаете ударение на первый. Как правильно?

– И то и другое правильно. В переводе с карельского и финского *Кондопога* означает «Святое место». У этого города большая история. Традиционно там жили староверы. (Известия, 24.11.2006)

Президент совершенно справедливо говорит о вариантности ударения в слове *Кондопога*; вполне понятно и то, что человек, хорошо знающий карельский язык, использует произношение, близкое к звучанию данного слова в языке-источнике. Однако предлагаемая им этимология и ее связь с религиозными убеждениями древних жителей города у специалистов могут вызвать серьезные сомнения. Скорее всего, название города связано не со святыми, а с медведями.

В словаре-справочнике «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003] сообщается, что город называется *Кондопога* (с ударением на предпоследнем слоге), но в словаре отмечается, что существует и «местный вариант» названия с ударением на первом слоге. Там же говорится, что жителей этого города называют *кондопожец* (родительный падеж – *кондопожца*), *кондопожцы* (родительный падеж – *кондопожцев*), *кондопожане* (родительный падеж – *кондопожан*), *кондопожанин* (родительный падеж – *кондопожанина*), *кондопожанка* (родительный падеж – *кондопожанки*), *кондопожанки* (родительный падеж – *кондопожанок*). Во всех случаях указывается ударение в именительном падеже на предпоследнем слоге, но в указанном словаре не сообщается о возможности ударения на первый слог в рассматриваемых словах.

По данным официального сайта администрации города *Кондопога*, первое письменное упоминание об этом поселении относится к 1495 году, однако максимально большую известность город *Кондопога* приобрел в сентябре 2006 года, когда нем произошли межнациональные столкновения, о которых детально

рассказывали российские и зарубежные СМИ. Своего рода итогом этих столкновений стала смерть двух местных жителей, которых убили выходцы из Чечни, множество раненых и покалеченных, разгромленные и сожженные кафе и магазины. Милиция задержала более ста участников беспорядков, из *Кондопоги* срочно выехали более тридцати кавказских по происхождению семей. Несколько преступников были осуждены, но судебные разбирательства продолжаются.

Разумеется, межнациональные конфликты в нашей стране случались и ранее, но, по словам известного этнолога А.К. Байбурина, события в *Кондопоге* «впервые в постсоветской истории России квалифицировались как этнические погромы», тогда как ранее в официальных документах говорилось только о межнациональных столкновениях [Байбурин 2007: 153], которые стремились объяснить экономическими причинами, происками криминальных авторитетов или случайным стечением обстоятельств.

Об этнических погромах в *Кондопоге* детально рассказывали множество отечественных и зарубежных СМИ, а слово *Кондопога* вскоре стало использоваться для обозначения рассматриваемого массового конфликта между коренными жителями этого города и мигрантами. Уже 14 сентября 2006 года журналист М. Бударрагин писал: *Вопреки тому, что конфликт в Кондопоге находился в центре внимания СМИ, а само слово «Кондопога» стало нарицательным, едва ли не самый важный аспект происходящего оказался полностью проигнорированным...* (М. Бударрагин – Известия, 14.09.2006).

Следует учитывать, что у рассматриваемого имени собственного существует по меньшей мере три вторичных значения. В первом случае данное слово используется в значении «межнациональные столкновения, которые происходили осенью 2006 года в *Кондопоге*». Ср.:

Кондопога поставила принципиальный вопрос, который в итоге был обойден единодушным молчанием. Этот вопрос касается социального планирования современного общества (М. Бударрагин – Известия, 14.09.2006). *Сначала все было гладко. Но вдруг приключилась Кондопога. И оказалось, что русские делятся на ксенофобов и интернационалистов* (В. Волошин – Комсомольская правда, 03.09.2007).

Подобный метонимический перенос по модели «название населенного пункта – название события, которое произошло в данном населенном пункте», относится к числу регулярных, типичных для русского языка путей развития словесной семантики. Например, слово *Сталинград* может обозначать Сталинградскую битву, а название села *Бородино* используется для обозначения соответствующего сражения. Похожее развитие значений обнаруживается и в других языках: в частности, можно вспомнить историю Франции эпохи Великой революции и

империи Наполеона Бонапарта и причины развития аналогичных вторичных значений у топонимов *Вандея, Ватерлоо, Тулон*.

В других случаях слово *Кондопога* используется в обобщенном смысле для обозначения межнациональных столкновений, которые происходят или могут произойти в самых различных населенных пунктах России. Ср.:

Удастся ли предотвратить новую Кондопогу на Ставрополье? (Д. Степанов – Комсомольская правда, 06.06.2007). *Как казаки обошлись без Кондопоги* (В. Ворсобин – Комсомольская правда, 20.03.2007). *Под Саратовом предотвратили Кондопогу* (Lenta.ru – Известия, 15.09.2006). *Не должно быть засилья любой этнической общины. У нас Кондопога не повторится* (М. Ахромова – Труд, 07.06.2007). *Всех непьющих мужиков в России переписуют, чтобы не повторилась Кондопога* (Д. Стешин – Комсомольская правда, 24.10.2006). *Чуть менее года назад в Вольске Саратовской области произошла драка между русскими и выходцами с Кавказа. И на лентах информагенств замелькали слова: «очередная вспышка ксенофобии», «массовые беспорядки», «погромы»... Городок на Волге был назван второй Кондопогой* (В. Выжutowич – Российская газета, 8.06.2007).

Переносное значение рассматриваемого типа образовано по менее регулярной метафорической модели «Название события – обозначение события, которое так или иначе похоже на то, которое обозначено мотивирующим значением». Подобные значения встречаются, в частности, при использовании в современной массовой коммуникации слов *Хиросима* и *Чернобыль* для номинации возможности иных катастроф.

Отметим и более сложный случай, когда слово *Кондопога* метафорически используется не для обозначения реальных столкновений, а для характеристики умонастроений, которые могут привести к межнациональным конфликтам.

Кондопога-то у нас везде. По данным Левада-Центра, сегодня идею «Россия для русских!» поддерживают уже свыше половины граждан многонациональной страны (Г. Ильичев – Известия, 05.09.2006). *Правительство запретило работу мигрантов в торговле. Это де факто упразднило свободу торговли. Это, если определять первопричину одним словом и без политической корректности – Кондопога* (А. Колесников – РИА Новости, 16.11.2006). *Как отмечает депутат Государственной Думы Иван Мельников, сейчас «Кондопога – это собирательный образ. Потенциально Кондопога – сегодня в каждом российском городе»* (Российская газета, Синдром Кондопоги, 8.06.2007).

Подчеркнем, что при образном использовании данного урбонима обнаруживается особая лексическая сочетаемость: СМИ пишут о *новой Кондопоге, о второй Кондопоге, о сибирской Кондопоге, о том, что Кондопога у*

нас везде, о повторении и предотвращении Кондопоги. Подобные словоупотребления нехарактерны для стандартных онимов, но типичны для имен нарицательных, возникших на основе преобразования семантики имен собственных.

В целом рассмотренный материал свидетельствует, что переносные значения, появление которых связано с межнациональным конфликтом в Карелии, широко используются в современной российской прессе для обозначения как событий в указанном городе, так и иных столкновений между коренными жителями и мигрантами, а также для характеристики социальных настроений, которые могут привести к этническому конфликту. Вместе с тем материалы «Национального корпуса русского языка» и иных Интернет-ресурсов показывают, что абсолютное большинство рассматриваемых словоупотреблений относится к 2006 и 2007 гг. Уже в 2008 году частотность рассматриваемых образов в общенациональных СМИ, адресованных массовому читателю, резко сокращается.

Не менее интересна и история метафорических значений города Пикалево. Как сообщает Интернет-энциклопедия «Википедия», Пикалево это город (с 1954 года) на востоке Ленинградской области в 223 километрах от Санкт-Петербурга. Население – около 22 тысяч жителей. Расположен на месте древнего поселения, упоминание о котором появилось уже в 1620 году. В 1906 году на железной дороге Петербург – Вологда была создана станция Пикалево, названная по фамилии крестьянина Пикалева – основателя соседнего хутора.

Местные жители с давних пор произносят название своего города с ударением на третьем слоге, в котором наличествует фонема [О] – Пикал^эво. Такое произношение отражено и в орфоэпическом справочнике [Агеенко 2001]. На официальном сайте администрации города подчеркивается, что это название последовательно изменяется по падежам (*Был в Пикалеве, Уехал из Пикалева*), но, по мнению создателей сайта, не соответствуют традициям неизменяемые формы существительного (*Был в Пикалево, Уехал из Пикалево*).

Однако центральная пресса в абсолютном большинстве случаев использует указанное существительное как несклоняемое (об этом свидетельствуют и все приводимые ниже примеры).

В словаре-справочнике «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003] название города написано с буквой [ѐ] в третьем слоге. Далее сообщается, что жителей города называют *пикалѐвцы* (форма родительного падежа – *пикалѐвцев*). Здесь же говорится, что отдельный житель города – это *пикалѐвец* (форма родительного падежа – *пикалѐвца*), но не сообщается, как называют женщин, проживающих в Пикалѐве.

Осенью 2008 года в прежде благополучном городе Пикалево сложилась сложная социально-экономическая ситуация, вызванная кон-

фликтом между владельцами трех ведущих предприятий, которые ранее составляли одну технологическую цепочку. Результатом конфликта стала остановка этих предприятий, невыплата заработной платы, безработица, прекращение горячего водоснабжения. В знак протеста против тяжелой социально-экономической ситуации жители города 2 июня 2009 года перекрыли федеральную трассу. Проблемы были решены только после совещания, которое 4 июня провел в Пикалево председатель правительства В.В. Путин, который убедил владельцев подписать протокол о сотрудничестве.

Очень скоро у названия *Пикалево* появились вторичные значения, весьма похожие на вторичные значения, которые ранее возникли у слова «Кондопога». Вновь название маленького российского города стало употребляться как имя нарицательное.

Во-первых, слово *Пикалево* стало метонимически использоваться для обозначения той тяжелой социально-политической ситуации, которая сложилась в указанном городе после остановки предприятий, и того стихийного протеста жителей, который совершенно не соответствовал существующим в стране законам, российским традициям и обычаям северян, которые всегда считались людьми спокойными и не склонными к конфликтам. Ср.:

Эксперты обсуждали ситуацию «после Пикалево». Авторы показали, как капитаны бизнеса уже в кризисный 2008 год получали многомиллиардные дивиденды (В. Юрьев – Аргументы и факты, № 37, 2009). *Пикалево не должно повториться. Подзаголовок раздела в статье* (А. Беляев – Комсомольская правда – Екатеринбург. 1.07.2009).

Во-вторых, слово *Пикалево* все чаще употребляется для обобщенного обозначения социально-политических конфликтов, в которых люди, нарушая закон, препятствуют движению транспорта по автомобильным и железным дорогам. Примером может служить заголовок статьи «*Свердловское Пикалево*», в которой рассказывается о ситуации на Фарфоровом заводе в городе Богдановиче, где 250 рабочих, не получивших зарплату, пытались перекрыть Федеральную трассу (А. Смирнова – Аргументы и факты на Урале, 2009, № 27).

Наконец, возможен вариант, когда слово *Пикалево* обозначает социальные конфликты, которые не обязательно заканчиваются перекрытием федеральных трасс, но требуют срочного вмешательства высшего руководства страны. Ср.:

Пикалево у нас будет неоднократно. К концу года мы получим целый ряд локальных возмущений. Но взрыва на федеральном уровне не будет (Е. Гонтмахер – Московский комсомолец, 9.09.2009). *Поселок Сычево грозит стать новым Пикалево* (Л. Иванов – Newsland, 07.02. 2010). *Моногород под Кировом может превратиться во второе Пикалево... Скорее всего бунта, подобного пикалевскому, в Вятских Полянах так и не случится. Здесь*

нет дорог, которые можно перекрыть, здесь нет конкретных виновных – они вообще малоизвестны, как и причины случившегося (А. Коц, Д. Спешин – Комсомольская правда, 27.03.2010).

Показательно, что при образном использовании рассматриваемого урбонима обнаруживается особая сочетаемость: СМИ пишут о *новом Пикалево, втором Пикалево, свердловском, кировском и ставропольском Пикалево*. В подобных контекстах не обязательно имеется в виду именно перекрытие дорог: как известно, формы протеста могут быть различными. На первый план выходит социальный протест, по существу «бессмысленный и беспощадный» русский бунт. Можно сурово наказать его зачинщиков, но государство обязано в первую очередь бороться с причинами, обусловившими массовые выступления, и обеспечивать обеспечение конституционных норм и общепризнанных прав человека на всей своей территории.

Проанализированный материал свидетельствует, что активность рассматриваемого использования слова *Пикалево* пока не снижается. Вместе с тем в современных СМИ эпизодически встречается и образное использование названий некоторых иных российских городов. К их числу относятся, в частности, те, которые связаны с широко известными событиями советской эпохи (*Новочеркасск, Сталинград*) и с трагическими эпизодами в истории современной России (*Беслан, Хасавюрт*). Ср.:

Вспомните, когда были сделаны первые прогнозы относительно «Новочеркаска-2009»? Год назад. И где эти массовые беспорядки? (В. Иванов Не золотая осень – Аргументы и факты, № 36, 2009). *Новый Сталинград* (заголовок статьи о политической ситуации после сноса памятника советскому солдату в Эстонии) (Н. Бероева – Комсомольская правда, 28.04.2007). «Комсомольская правда», 2003). *«Новые Бесланы, взорванные лайнеры, дома – все это будет преследовать нас до тех пор, пока агенты, резиденты и информаторы наших спецслужб не заберутся в логова террористов»* (В. Баранец – Комсомольская правда, 12.11.2003). *После захвата заложников в Норд-Осте был критический момент с развитием событий по варианту «Хасавюрт – 96»* (В. Тетекин – Советская Россия, 6.03.2003).

Представленный материал свидетельствует о том, что в современных медийных текстах могут использоваться вторичные значения урбонимов, связанных с обозначением событий, происходящих в этих городах, а также с номинацией аналогичных событий, которые произошли в других населенных пунктах. Подобные метафоры иногда ярко вспыхивают (активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес у читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий), но они нередко быстро уходят из активного употребления. Часто оказывается так, что уже через несколько лет ранее активные прецедентные метафоры не вызывают прежнего

эмоционального отклика читателей, оказываются им не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

Вместе с тем встречаются прецедентные метафорические образы, которые надолго остаются в арсенале политиков и журналистов. Например, легко вспомнить метафоры, рождение которых связано с Великой Отечественной войной (*Сталинград, Брестская крепость, Нюрнберг*). Многие из этих метафор активно используются и в современной политической коммуникации, поскольку современная политическая и экономическая жизнь нередко напоминает о ситуациях, характерных для военного времени, а многовековая история нашей страны обусловила высокую активность милитарных образов.

Как справедливо указывает Е.С. Отин, «коннотативные онимы с развивающимися значениями, вероятно, являются одной из ономастических универсалий, присущей лексике большинства языков» [Отин 2003: 58]. Некоторые из этих имен имеют интернациональный характер: в самых различных языках используются такие коннотативные онимы, как *Вавилон, Содом, Эльдorado, Аркадия, Лас Вегас*. Вместе с тем арсенал онимов, активно используемых во вторичных значениях, имеет национальный характер. Он обусловлен историей и культурой соответствующего народа, тесно переплетен с социальными потрясениями, которые ярко запечатлелись в народном сознании. Для комплекса таких имен характерна постоянная изменчивость, неразрывная связь с событиями, которые находятся в центре общественного внимания на том или ином этапе развития страны. Поэтому вполне закономерно, что арсенал российских коннотативных урбонимов в постсоветский период постоянно обновляется: с одной стороны, по-прежнему активно используются некоторые значения, возникшие в советскую и досоветскую эпохи, с другой – возникают коннотативные значения у новых онимов, но они нередко быстро уходят из активного употребления. Можно предположить, что рассмотренные коннотативные значения урбонимов *Пикалево* и *Кондопога* едва ли ожидает долгая жизнь.

Авторы медийных текстов, ориентированных на массовую коммуникацию, должны учитывать, что вторичные значения урбонимов (и иных топонимов) обычно связаны с единичными и уникальными феноменами, знания о которых не всегда долго сохраняются в памяти лингво-культурного сообщества. Так, современные студенты (некоторым исключением, возможно, являются будущие политологи, социологи и историки), как правило, уже не помнят, где находился М.С. Горбачев во время путча, а также где именно лидеры России, Украины и Белоруссии приняли решение о прекращении существования Советского Союза. А этот уровень эрудиции делает невозможным правильное

восприятие соответствующих коннотативных онимов *Форос* и *Беловежская пуца*. Именно этим и можно объяснить недолгий срок активного использования в средствах массовой информации большинства прецедентных онимов. Можно предположить, коннотативная составляющая в названиях Кондопога и Пикалево в ближайшие годы окажется значимой лишь для немногих читателей высокотиражной прессы.

P.S. При содействии профессора Арто Мустайоки данная статья была направлена на рецензию доценту университета Хельсинки Janne Saarikivi – известному специалисту в сфере финско-балтийско-славянских языковых контактов. Ниже приводится отрывок из рецензии, в которой для Кондопоги предлагается совершенно иная этимология.

Кондопога – это прозрачное название. Оно состоит из двух частей. 1. kontu – «однодворное поселение»; 2. rohia – залив, губа. Однако уже невозможно определить, было ли это место наименовано впервые в карельском языке или название представляет вепсский субстрат. Теория, согласно которой, название города переводится как «Медвежий угол» – это всего лишь народная этимология. Также нет никакого основания переводить это название как «святое место». Это всего лишь типичное народное объяснение любого непонятого названия субстратного происхождения. Похожие объяснения часто встречаются на русском Севере.

То что ударение в этом названии в местном диалекте на первом слоге – это закономерность адаптации прибалтийско-финских названий в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеенко Ф.Л. Русское словесное ударение. Словарь имен собственных. – М., 2001.
- Андерсон Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Байбурин А.К. Локальное сознание: случай Кондопоги // Etnolingwistika. № 19. Lublin, 2007.
- ВикипедияЯ – Свободная энциклопедия URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь справочник. – М., издательство АСТ, 2003.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Осборн М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет-тьма» // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).
- Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969.
- Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.

© Нахимова Е.А., 2010